

Ну что, будем спасать этот мир или нет? От кого? Гм, от нас самих, от кого же еще. Мы прожираем мир в труху, словно термиты. Он и так уже качается на краю бездны, кажется, еще мгновение — и в нос ударит едкий запах гибели. Думаешь, нам есть где укрыться? Надеешься, что за нами спустятся ангелы в белых сарафанах? Как бы не так, это не телеигра, здесь не переключают каналы. Так что пока не поздно, иди и помаше рукой солнцу. Возможно, уже завтра его скроют тучи пожаров. Не веришь? А зря.

И вот еще что, по дороге домой не забудь зайти в гипермаркет, купи какой-нибудь жратвы со скидкой. Пройдись вдоль полок, забитых едой. Загляни в лица тех, кто там толпится. Они пришли убедиться, что их много и в адскую мясорубку полетят тысячи, сотни тысяч, миллионы. Так почему бы не набить напоследок пузо.

Надо съесть много, очень много. Больше, чем осилит желудок. Надо успеть, а то скоро есть будут нас. Вот и я не стал бы терять

время зря, пошел бы и выпил чего-нибудь. Хорошая выпивка тоже может скоро исчезнуть, останется смола и зловонная жижа.

Многие собираются спасти мир, но и они переваривают его в труху, все — христиане, буддисты, пацифисты, растаманы и даже влюбленные. Все, и наплевать, кто с какой начинкой. Как ни стараются, а больше берут, чем отдают.

Еще вчера я не чувствовал опасности и мечтал о чудесном будущем, а уже сегодня посыпаю голову пеплом. Я не сею панику и не ввожу в заблуждение. Ты не хочешь спасти мир, и я пока не буду. Куда лучше включить телевизор и веселиться в компании богатых клоунов, у них с чувством юмора всё в порядке, и у меня тоже. Это приятно — мы вместе понимаем, чем может закончиться наш цирк. Трудно что-то изменить, когда кругом труха. И пусть уж все катится в тартарары с веселым смехом, чем со слезами.

Хотя, что ни говори, а жить хорошо. Только вот мера счастливой жизни изменчива, и у каждого она своя. Чего ждать от мира, где в сутки производят и продают столько оружия, что можно вооружить всех поголовно? Какой привкус у земной любви, если шлюхами отработало столько женщин, что можно заселить Гренландию, когда она совсем оттаает? Как выглядит истина, если почти каждый мужчина знает, зачем делается контрольный выстрел в голову? Какое ждать будущее, если наших младенцев с колыбели пичкают мертвичиной?

Впрочем, бывали времена и похуже. Но все равно иногда в голову так и долбит мысль — ловить здесь нечего. Как сказал один мой приятель, мы же просто макаки, у которых есть деньги и оружие.

До полудня, не вставая с постели, я думал именно об этом. По номеру гостиницы бродил холодный октябрьский ветер, поддувая из-за штор и качая по углам хмурые тени одиночества. К счастью, мое окно выходило на привокзальную площадь, и я не ощущал себя пленником. Ночью доносился стук колес и громкие объявления диспетчеров — кто куда отправляется и откуда прибывает. К обеду у меня развилась стойкая уверенность, что эти голоса призывают меня, как трубы архангелов, и я позвонил в справочное железнодорожного вокзала.

— Алле, почем у вас билеты на райский поезд? — спросил я.

— Это какой поезд? Какой номер?

— Ну уж точно не шестьсот шестьдесят шестой.

— Куда он едет?

— В рай, надо полагать.

Меня не дослушали и бросили трубку.

Тогда я сам пошел на вокзал. Отстоял очередь в кассу, наклонился к окошку и вежливо проговорил:

— Я хочу убраться отсюда. Можно и на поезде, мне все равно.

— Куда?

— Поближе к Богу.

— Мужчина, не задерживайте очередь, — занервничала кассир, — говорите направление, какой поезд.

— Я не знаю какой, я просто хочу убраться отсюда, лучше всего на райском поезде, понимаете... Не понимаете? Это очень важно.

— Эй, мужик, ты, наверное, бухой или ужаленный, — предположил парень за спиной. — Стоишь тут и гонишь, тебе не на поезд, а в психушку надо. А то можно и катафалк заказать. Иди отсюда, пока бока не намяли.

Потенциальные пассажиры отогнали меня от окошка, хотя я цеплялся до последнего. Люди как люди, спешили по своим делам: кто в командировку, кто в отпуск, кто из дома за покупкой, кто домой с покупкой, кто на похороны, кто на свадьбу. Только один я ломился на небеса.

Честно я отстоял очередь еще раз. Но когда женщина в билетной кассе увидела мою физиономию, то сразу выразительно указала на красную кнопку рядом.

— Значит, нет билетов на райский поезд? — все равно спросил я.

— Нет, — сочувственно покачала головой женщина.

— Может, будут еще, — сказал я и пошел в буфет.

Там я взял себе кофе, чтоб согреться. Глотнул. Кофе оказался мерзким. Только я поморщился, как рядом приклеился небритый помятый мужичок с бегающими глазками. Таких на вокзале — как неваляшек в детском саду. Он пытался угостить водкой и расспрашивал, кто да откуда. Но я не стал раскрываться перед тем, у кого на роже написано, что он жулик.

— Пойду в туалет. Ты подожди, посторожи мою сумку, — я указал на чей-то пакет, висевший рядом на спинке стула.

Вышел я на перрон к поездам и зашагал в сторону головного вагона. Остановился у локомотива и закричал:

— Эй, машинист! Эй! Машинист! Машиниист!

— Чего тебе? — высунулась седая голова в фуражке.

— Ничего. Мне билет не продали. Сказали, что нет билетов.

— У меня их тоже нет, дурень! — грубо оборвала наш разговор седая голова и исчезла.

— Машинист! Машиниист! — требовал я.

Развернувшись, чтобы идти обратно, я увидел, что ко мне спешат двое в форме. Видимо, охранники. Тогда я оббежал локомотив и со спринтерской скоростью рванул вдоль железнодорожного полотна. В спину прогудел оглушающий сигнал — мимо медленно двигался состав грузовых полувагонов. На ходу я зацепился и по скобтрапу забрался внутрь последнего. Состав набирал скорость.

На некоторое время я притаился, потом выглянул в щель. Мы проезжали мост. За рекой город кончался, и в стороны разбегались коричнево-серые поля, похожие на выброшенные великанами ковры.

Пустые вагоны из-под угля вихляло, как шейкеры. Все мои внутренности после каждого болтка будто менялись местами. «Вот он какой, райский поезд, — подумал я, — пустые вагоны, перетряхивающие нутро, несутся через бескрайние поля в никуда».

— Это райский поезд! — заорал я. — Мы едем к Богу!

После этих слов мотнуло так, что я перекатился через вагон и, собрав черную пыль, превратился в загулявшего углекопа. Устоять на ногах было трудно, я все время падал. Но мне было наплевать, я хотел попасть на райский поезд и потому уверовал, что на него и попал.

Через полчаса я понял — это ловушка. По периметру вагона висели металлические кольца и непрерывно стучали, издавая отстегивающее нервы звяканье. Настоящая «музыкальная шкатулка», в кино про разведчиков я видел, как похожее устройство использовали на допросах в застенках Гуантанамо. Еще через час, когда я решил спрыгивать с поезда, состав остановился. Я был так измотан, что не стоял на ногах. В сумерках я с трудом выбрался наружу и упал прямо на насыпь. Почувствовав, что примерзаю, я поднялся.

Впереди звездным полотном сияли огни сортировочной станции. А может быть, так выглядела дорога в рай. Чувство реальности покинуло меня в вагоне, вытрясшем последние винтики механизма, отвечавшего за благоразумие.

— Если это город ангелов, то я попал туда, куда нужно, — выплевывая угольную пыль, обратился я к огням. — Привет, я уже здесь!

Состав дернулся и двинулся дальше. Отряхиваясь, я выбрался на тропинку, меня шатало, как путейца в день получки. Только я встал передохнуть, как меня окликнули:

— Эй, приятель. Ты в порядке?

Пытаясь определить сторону, откуда исходил голос, я чуть не упал.

— Господи, это ты?

— Я здесь, старик.

Наконец я увидел поодаль от тропы человека с такой густой курчавой шевелюрой, словно у него там жил безумный садовник.

— Ты кто? — спросил я.

— Оптимист, — отвечая, человек выглядел ничуть не растерянным, напротив, так, будто мы встречались на этом месте каждый вечер.

— В каком смысле?

— В том смысле, что можешь меня так называть. Меня все так зовут. Я видел, как ты вывалился из вагона. Ты прямо Керуак какой-то, хотя больше смахиваешь на сумасшедшего.

— На свою прическу посмотри, — ответил я.

— Пойдем, тут рядом заброшенная бытовка, там стол и лавка, у меня есть фонарик, радиоприемник и термос, согреемся.

— Чем ты занимаешься, Оптимист? — спросил я, когда из большого термоса в кружку полился травяной чай, пахнущий чабрецом.

— Всем понемногу, пишу статьи, играю музыку, организую концерты, снимаю фильмы.

— Ты живешь здесь? Это город ангелов?

— Нет, меня ссадили с поезда. В этой дыре на развилке...

— Где мы?

— Вон там, впереди за огнями, станция Чесноковка.

— Хм, вот как... Знакомое место. А ты что же, путешествуешь без денег?

— Деньги имеются, у меня билета не было. Я никогда не покупаю билеты и не плачу штраф.

— Молодцом.

— А вообще-то, я ездил на поиски ритм-гитариста, — признался Оптимист.

Я неопределенно покачал головой.

— Сможешь? — с надеждой спросил Оптимист. — Я как тебя увидел, сразу подумал, ты музыкант.

— Нет, пока не готов.

Оптимист достал из рюкзака фляжку.

— Бальзам, — подмигнул он и плеснул в чай.

Скоро во мне созрел гитарист.

— Если бы я играл, как Хендрикс или Лайтхауз, — говорил я, обжигаясь большими глотками, — то не сидел бы здесь с тобой.

— Послушай, не надо особо... — старался объяснить Оптимист.

— Нет, надо! Поверь, я буду наяривать, как Сид Баррет. Я в теме, я такой же сбрендивший волынщик у врат рассвета. А? Хотя нет, буду, как Артур Ли. Точно! Прострелю ногу соседа, если тот придет жаловаться, что моя игра на гитаре не дает ему спать. Вот как надо. Господи, не понимаю, как я еще живу среди нормальных людей.

— В моих песнях от одного до двух аккордов, играют они просто, не надо особо ничего выдумывать, — наконец объяснил Оптимист.

— Так не пойдет, старина! — продолжал я, не выпуская из рук кружку. — Кто здесь будущий гитарист-мессия? Ты или я? Как ты можешь такое предлагать — ничего особо не выдумывать? Да я тебе так сыграю, все вспотеют от счастья!

— Хорошо, я только за.

— Вот так-то лучше. Мы поставим всю попсу на колени! Они будут молиться на нас, а мы будем отпихивать их и кричать: «Пошел вон, кусок попсы!» Они на коленях, а мы короли...

— Хэм, — усмехался где-то в голове Оптимиста безумный садовник.

— Короли чеснока.

— Как? Почему чеснока?

— А у нас все будет по чесноку, ни одной лживой ноты, ни одного лишнего слова. Плесни-ка еще чайку.

Оптимист тряхнул кудрявой головой.

— Куда ехать? Когда начинаем? — торопился узнать я.

— Я живу в Новосибирске. Через три недели небольшие гастролы в Казахстане. А репетировать хоть завтра.

— Отлично. Завтра у меня дела. Подъеду на днях. Как называется наш коллектив?

— Оптимист и посторонние.

— Психоделично.

Очень много в нашем мире психов занимается вещами, за которые во времена инквизиции сожгли бы не задумываясь. А еще больше психов интересуется тем, что делают другие психи, вот они и держатся друг за дружку. Мы с Оптимистом тоже договорились не теряться и созвониться через пару дней. Почему я не поехал сразу? Если честно, то подумал, что подвиг ритм-гитариста будет нелегким и, возможно, последним.

Термоса и фляжки нам едва хватило до утра, но у нас еще был радиоприемник, и на трассу мы вышли не в самом худшем расположении духа под песню «The big game is every night» Джеймсона Молины, словно у него на разогреве объездили с гастрольями пол-Сибири. Оптимист умчал первый на черном джипе, через несколько минут и я сел на проходящий автобус. Ехать было недалеко.

За три тысячи километров из другого города два дня в плацкартном вагоне я добирался именно сюда, к маме. Она жила в Чесноковке. Вчера, сойдя с поезда, на ночь я остановился в гостинице «Барнаул». Решил так заранее — чтобы собраться с мыслями.

Больше двух лет я провел в плавании. Построенный корабль сошел со стапелей в районе метро «Сходненская». Название судна и карта его плавания вряд ли внесут ясности в историю его команды. Скажу одно, я сам себе свернул голову тем, что дома стали кораблями, а друзья моряками. Но это была не игра и не выдумка, мир открылся мне именно так — морской образ мыслей как дар

божий, и теперь среди нормальных людей я только числился, на самом же деле прибывая в команде чокнутых маринистов.

Минул месяц, как корабль ушел на дно, и мои моряки по бульвару Яна Райниса разбрелись в километрах глубин людского океана. Оставшись один и не зная, как жить дальше, к прежнему существованию я не хотел возвращаться.

Мама жила тихо-мирно, по-божески, ходила в церковь на службы, соблюдала посты. Мои пелагические истории она не принимала, подобные эзотерические поиски и метания были ей мало понятны. Однажды на примере того, что наши лучшие алтайские писатели Шукшин, Соболев, Пантюхов были моряками и творческую вахту несли по-морскому отважно, я пытался объяснить и свою причастность к морю, но неубедительно.

— Привет, мам! — крикнул я, открыв дверь своим ключом.

Под ногами раздалось гадючье шипение — пушистый кот Сенька признавал только хозяйку, его зеленые глаза светились безумным блеском. Настоящий психокот, непредсказуемый, как музыка Малера.

— Ой, сынок приехал! — радовалась мама. — Что ж ты так редко объявляешься! Хоть бы звонил. Я уж и обижаться на тебя перестала.

Тут она, как обычно, всплакнула.

— Мам, ну перестань, — успокаивал я, — чего ты, я тебя не забываю. Просто жизнь, как карусель, крутит-вертит, глядишь, а уж столько времени прошло.

— Ну и ладно, — успокаивалась мама, — приехал и хорошо.

Тут она рассмотрела меня получше.

— А ты чего такой чумазый? Как в луже извалялся.

— Поскользнулся.

— Умывайся, переодевайся, и я тебя покормлю.

Мама накрывала на стол, расставляя привычные соленья, салаты и домашнее вино, и спрашивала:

— Рассказывай, как живешь. Почему не звонил?

— Нормально, мам. Как все живу. Звонил же вот.

— Последний раз в марте на мой день рождения. Где работаешь? Живешь там же с друзьями на съемной квартире? А, может, женился уже?

— Разъехались мы с квартиры кто куда... Работаю... Там же. Жениться пока не собираюсь.

— Почему?

— Знаешь, как в песне поется, гуд вумен из хард ту файнд.

— Чего?

— В песне, говорю, поется, хорошую женщину трудно найти.

— Не набродяжничался еще, — вздохнула мама. — А ведь у тебя дом есть.

Я промолчал. Мама вздохнула и пригубила вина.

— Сама-то как живешь? — спросил я.

— Да какая это жизнь, — чуть оживилась мама. — При нашей-то власти. За кого они нас там принимают? Я вот получаю в садике за полторы ставки восемь тысяч, а за квартиру отдаю почти четыре. Наша нянечка, мать одиночка, получает и того меньше, работает в садике, потому что ребенка можно пристроить. Как они живут, не понимаю. В мае нам подняли зарплату на семьсот рублей. Решили, сволочи, раз мы подыхать не собираемся, то можно поиздеваться. Зла на них не хватает...

Мама отработала тридцать пять лет музыкальным руководителем в детском саду и весной вышла на пенсию, но, забывая об этом, рассказывала о прошлом как о настоящем. Она посмотрела на меня немного удивленно, так, будто я только что появился за столом.

— Ты, сынок, лучше о себе еще расскажи, больше года не виделся. Что ж тебе и рассказать матери нечего?

— Есть, конечно, — начал я, думая, как бы перевести разговор. — А это кто? Дед?

На черном лакированном пианино «Урал», похожем на маневровый двухосный танк-паровоз, появились новые вязаные ажурные салфетки и на них новые рамки с фотографиями.

— Да, твой дед, Иван Гаврилов, железнодорожник, был одним из лучших машинистов в Чесноковке в войну.

Смерть застала деда за выращиванием винограда в станице Каневская Краснодарского края, куда он из Сибири перевез всю семью, как только вышел на пенсию. Говорят, дед всю жизнь мечтал о солнце, о море и о своем винограднике. Оказалось, что в Черномории ему не климат. Дед умер, когда мама была еще подростком, младшей, четвертой дочкой в большой семье.

— ... и купили мне пианино, чтоб я занималась, — в который раз рассказывала мама, как попала в музыкальную школу, вернувшись обратно в Сибирь. Свои рассказы теперь она заканчивала примерно одинаково, жалуясь на память: — То, что было давно, я очень хорошо помню. А тут забывать стала, что минуту назад делала. Пока работала, еще какая-то память была. А вышла на пенсию и уже слова даже не помню. Прихожу в магазин и не знаю, как сказать, чего мне надо. В гостях сижу и забываю, кто эти люди. Я теперь больше дома, одна, телевизор смотрю. Такие ужасы там показывают, вот этот, со страшными глазами, говорит, говорит, аж слюной брызжет, а что говорит — не понятно, но страшно. Ты бы на дачу сходил, а то я не помню, была там или нет...

Ночью я проснулся, осторожно прошел по коридору в уборную. Постоял у окна на кухне, слушая, как на железнодорожной станции по громкой связи переговариваются голоса дежурных. Мне стало грустно, я не понимал, кто я и что со мной, почему я кожей чувствую трухлявость этого мира, отчего мне бывает дико среди людей, в них я вижу только пассажиров, и хочется поскорее запрыгнуть в поезд на небеса. Укладываясь спать, я посмотрел на деда, мне показалось, что он глядит с некоторой укоризной.

Дачный сезон уже закончился, окна многих домов были заколочены. Где-то еще стучали молотком. Дверь в нашу хибарку была распахнута, на полу валялись журналы, книги по садоводству и ворох старых фотографий. Постояв на пороге, я подобрал одну, на которой позировали железнодорожники в белых кителях. Я узнал деда, он смотрел из-под насупленных бровей на мир так, словно проехал его вдоль и поперек и увидел все, что можно в нем увидеть.

— Эй, кто здесь? — услышал я голос снаружи.

Из-за забора кричал сосед. Старику за восемьдесят, а он был бодр и крепок, как дуб на его участке.

— Привет, дядь Коль!

— Здравствуй, Славка. А я смотрю — кто-то прошел. Думаю, надо глянуть, все ли в порядке. За все лето никого у вас не видел.

— А дверь открыта была.

— Опять лазили, значит, дверь я закрывал. Ты чего там нашел?

— Да вот фотографию с дедом рассматриваю, я его живым не видел. Раньше как-то не думал о нем, а вот недавно стало интересно, что был за человек.

— Бабушку твою Антонину и деда Ивана я знал, я с ним в одной бригаде на паровозах: и на Феде, и на Терезе. Он машинист, я помощник, мне тогда лет двадцать было, неженатый еще.

Я удивленно уставился на соседа.

— А почему же я не знал? Бок о бок лет пятнадцать живем.

— Не спрашивал, вот и не знал.

— Ну да, верно... А какой он был, дед мой?

Дядя Коля пожевал губами, чуть нахмурившись, видимо, думая, что бы такое сказать, емкое и понятное.

— Паровоз любил он больше себя...

Сказал и замолчал.

— По-платоновски прямо, — вырвалось у меня.

— Что?

— Хорошо, говорю, понятно, таким деда и представлял.

— Да, его потому и на фронт не взяли, такой машинист был.

— А на фотографии тебя здесь нет, дядь Коль? — спросил я.

— Нет, здесь же одни машинисты, видишь, все в праздничных кителях. Чего здесь написано?

— Город Чесноковка, август 1953 года.

— День железнодорожника, — кивнул дядя Коля, — я простой «помогало» был и то недолго, потом ушел с железной дороги, нервная работа. У тебя же отец вроде тоже машинистом был. Как он?

— На кладбище.

— Ох ты... Что ж так? Болел?

— Сердце... Сам же говоришь, работа нервная.

Потом мы в унисон стучали молотками, заколачивая окна на зиму. Иногда выглядывало солнце, и пропадало ощущение, будто мы заколачиваем гроб, а наоборот, появлялось — будто строим корабль.

Вернувшись, я засобирался.

— Уезжаешь уже, — удивилась мама. — Хоть бы пожил денек-другой. Куда ж ты теперь?

— Дела, мам, срочные.

Мне надо было что-то делать, что-то строить, куда-то стремиться, я не мог сидеть на месте. Зашнуровывая башмаки так,

словно услышал десять коротких сигналов ревуна на срочное погружение, я еле успел отдернуть руку, когда когтистая кошачья лапа махнула откуда-то из-под стула, пытаясь мне помешать.

Как были тягостны эти минуты расставания. Где взять силы глядеть в грустные, готовые расплакаться глаза матери. Единственного человека на земле, кому ты нужен по-настоящему.

— Благословляю тебя, сынок. Буду за тебя молиться, — сказала мама, перекрестила на дорогу и поцеловала.

Мне было не по себе. Сердце прыгало у горла и шептало одно утешение, что все в мире живет по закону любви. И по нему жизнь даст шанс сделать счастливыми тех, кого любишь.

Последний свой шанс — надеюсь узнать об этом когда-нибудь — точно — я использовал и в какой-то мере стал диспетчером и проводником для мамы. Когда она через три года умерла от болезни Альцгеймера, я был далеко в автономном плавании. В ночь накануне вести о ее смерти приснился мне сон. Он, как явь, запомнился навсегда. Я стоял в нашей квартире у окна, прижав к стеклу лоб, чуть приплюснув нос. Чувствовал холод и твердость стекла. Чувствовал многое и что все это неспроста, потому что чувствовал — мама стоит рядом у окна. Но я не мог повернуть голову и только спросил: «Это ты, ма?». В ответ услышал: «Да. Кажется, я умерла... Что мне теперь делать, сынок?». Волнение охватило меня, такое происходило со мной впервые. А может и нет, может когда-то было, в прошлых жизнях, на других станциях... Только как вспомнить, если вид за окном движется с неумолимой скоростью. И в этот момент я почувствовал, что стекла уже нет. За окном я увидел высокое дерево, под ним в позе лотоса неподвижно сидел человек. Он чуть светился. Через несколько мгновений, не пошевелившись, он стартанул в небо. «Вот делай, как он, давай за ним», — сказал я, понимая, что увидел скорый поезд на небо.

А пока я катился в полупустой электричке через безжизненное пространство, уже готовое стать зимой. Две пожилых женщины за моей спиной на соседней лавке переговаривались.

— И ты не хочешь, чтобы он вернулся.

— Нет, он бы все равно не стал жить со мной, я была такая рассеянная, как-то потеряла пылесос, так его и не нашли.

Понимая, что если держаться только за сегодня, сходишь с ума быстрее, чем если прикидывать свое будущее, я решил обзавестись планами. Предложение выдавать себя за ритм-гитариста пришлось кстати, тем более нужно было ехать в соседнюю область.

— Поедем на поезде, — сказал я отражению в зеркале, забирая вещи из гостиницы. — Деньги на билет надо найти сегодня.

— Что же вы ушли и ничего не сказали, — отчитывала меня администратор, пряча в карман всю мою наличность, — мы уже хотели в полицию сообщать. У вас все в порядке?

— Да, теперь в порядке. Раньше я ездил пузырем. Но это в прошлом.

— Пузырем? — не понимала администратор.

— Поехать пузырем на сленге железнодорожников означает поехать в резерве.

— Вы железнодорожник?

— Из отдела кадров.

За несколько дней до меня в город из Польши вернулся мой товарищ, он писал мне, предлагал встретиться. Когда-то мы куролесили от Кракова до Гданьска, набивая пузо копчеными колбасками, муштардой и пивом «Tyskie». Моему другу вечно не сиделось на месте, но он переезжал из города в город не в поисках рая. Он просто любил перемены.

— Привет, капитан! — обрадовался Разин, увидев меня на пороге.

— Ты чего вернулся, Степа? Неужели здесь лучше, чем в Польше? Или паны житя не дают братьям-славянам?

— Не говори, нервные бардзо, что ни выходные — у меня драка была с кем-нибудь из местных. Хотя вот брат мой Ванька, человек мирный, язык знает, Варшава ему понравилась, он там прижился, нашел себе Милку, та по-русски ни слова, Ваньку любит, но все равно батя ее и братовья такие курвы. А я... — Степа замялся. — В общем, в Москву перебираюсь... Погостить заехал.

— Просто погостить? На тебя это не похоже.

— Подругу отсюда хочу забрать, — нехотя признался Разин и перевел разговор. — А ты как? Ты вроде тоже вернулся. Не сходишь с ума от тоски по морю, как прежде?

— Ерунда, я в порядке. Вот приглашают ритм-гитаристом в одну модную в узких кругах группу.

— Да ну!

— Вот тебе и да ну.

— Отлично, ты крут!

— Только, старина, у меня денег нет на поезд. Надо ехать в Новосибирск, на «собаках» не охота. Займешь?

— Сколько?

— Немного. Рублей пятьсот.

— Займу, двадцать долларов.

— Ну да, ты же из-за границы, — хохотнул я, радуясь, что быстро нашел деньги.

— А вид у тебя шальной, — заметил Степа.

Он принес гитару.

— Порепетируем?

— Давай, — согласился я.

Степа любил электрогитары, в юности он выпиливал их округлые туловища из дерева, набивал «кишками» и оживлял. Парочку ему удалось собрать, звучали они довольно сносно.

Дурачась, мы изображали Элвиса Пресли. В Польше нашей любимой веселой игрой по вечерам было боготворить Элвиса.

— Возможно, Элвис и прослыл к концу жизни жирдяем, но он всегда был королем рок-н-ролла, — голосом мистера Коричневого из «Бешеных псов» говорил Степа. — Потом были другие, может, и покруче, но Элвис был первым.

— Элвис — это круто, — чужим баском подыгрывал я. — Однажды я подумал, что в середине пятидесятых Элвис Пресли и Мэрилин Монро были как две части одного существа, ну, типа двуликого Януса. Пока они были вместе на Земле и каждый занимался своим, их дела шли успешно. Только Элвис полез на экран со своими «Голубыми Гавайями», как тут же Монро уходит из этой жизни. Да и Элвису актерство не принесло удачи, он тоже вскоре сдал... Потом он еще раз явился миру весь затянутый в черную кожу, но это уже был траур по божеству Элвис-Монро. Сами по себе подобные божества безумно хороши, но они активно помогают тем, кто прожирает мир в труху, и потому они обречены.

Степа сделал большие удивленные глаза, и мы запели на мелодию «Love me tender»:

— Элвис не сыграл свой последний концерт. Его просили, он говорил нет. Мы знаем, что жизнь любит шутить. Сначала щекотать, а потом бить. Элвис! Звезда рок-н-ролла. Элвис! Король поп-звезд. У каждой звезды свои недостатки, у Элвиса их нет!

— Слушай, сегодня же день рождения у Марьяны, — отыграв завершающий аккорд, вспомнил Разин.

— У какой Марьяны? Которая за «Россией» живет?

— Ага, встретили ее вчера там. Все такая же красивая, как Монро. Говорит, приходи ко мне на день рождения.

— Пойдем?

— Не, я вечером в кино.

— С подружкой с этой?

— Ага. Ты сходи, тебе обрадуются и удивятся.

— Схожу.

— Привет ей. На вот, коробку польских конфет от нас подари. А это твоя двадцатка.

— Это не просто двадцатка, старик, — помахал я бумажкой. — Это билет на райский поезд! Увидимся на моем концерте в Олимпийском.

— Удачи!

В приподнятом настроении я шел по городу и мысленно играл на гитаре. Всего четыре аккорда хорошо знакомой песни: *Вдруг почувствовал: пора; и не надо понимать. Просто надо уходить и скорее догонять...*

— Ого, кого я вижу, — удивилась Марьяна, открыв дверь. — А я слышала, ты в дурничке. Сбежал, что ли?

— В психушку мне еще рано. Сначала ты прочтешь обо мне в таблоидах. Придется еще побегать от поклонниц.

— Правильно, проходи, — сказала Марьяна. — Тут, кстати, тебя дожидается одна.

— Кто? — сердце мое екнуло.

— Разувайся. Сейчас узнаешь.

Увидев Ленку Ракету, я только и подумал: «Вот тебе бабушка и юрьев день».

— Киса моя приехала! — обрадовалась роковая женщина со стажем.

Я вздрогнул, но бежать было поздно и некуда. Ленка уже повисла у меня на шее.

— Что, голубки, встретились? — сказала именинница. — Только дом не разнесите.

Я смотрел на нее и думал, почему же на мне висит Ленка, а не она. Таких красоток, как Марьяна, можно увидеть только в кино или на обложке глянцевого журнала. У мужиков челюсти отвисали, когда в летний денек Марьяна выходила на улицу в легком коротком платьице.

Гости засиделись до глубокой ночи. Потом кто-то ушел, кто-то стал укладываться спать.

— Я еще хочу выпить. У тебя есть на вино? — прильнула ко мне Ленка.

— Только билет на райский поезд.

— Ты опять уезжаешь?

— Возвращаюсь.

Ленка нахмурилась, закурила сигарету и вышла в коридор. Когда она появилась, помахивая моей двадцаткой, я понял, дело пахнет скандалом.

— Ого, я смотрю, ты разбогател, — объявила Ленка. — Я иду за вином.

— Где ты их поменяешь в пять утра?

— Поменяю, — пообещала Ленка.

— Отдай! — крикнул я. — Это мой билет на поезд!

— Врешь, убудок! — тоже заголосила Ленка. — Отдавай должок. Уехал, никому не сказав ни слова, вернулся как ни в чем не бывало, и думаешь, все тебе тут рады.

— Началось, — вздохнула Марьяна. — Пора вас выгонять, идите на улицу убивать друг друга.

А мы уже сцепились как кошка с собакой.

— Отдай!

— Не отдам!

— Отдашь!

— Отцепись!

Нас пытались разнять, а когда поняли, что это невозможно, выпихнули на улицу. Все было привычно, Ракета стремительно убегала, я догонял. Распутивая первых прохожих, мы перебежали

с одной стороны улицы на другую под отчаянные сигналы редких автомобилей.

Когда Ленка забежала в один из дворов, я всерьез решил, что сейчас ее догоню и придушу. Только я повернул следом, как увидел, что она идет навстречу в окружении трех здоровенных дворников с метлами и лопатами.

— Он хочет меня убить! — вопила Ленка, указывая на меня. — Помогите!

Дворники лишь ухмылялись, давая понять, что никого убить не позволят.

— Она украла мои деньги! — попытался я прорваться к намеренной жертве, но меня придержали крепкие плечи.

— А ты хотел, чтоб тебе давали бесплатно! — из-за спины вопила Ленка.

Это был веский аргумент.

И тут я ощутил всю комичность мизансцены. Маленькая вертящаяся Ленка Ракета в окружении громил, немых статистов в оранжевых жилетах с метлами и лопатами. Всклопоченный мужик мечется, не имея возможности подобраться к бабе, стащившей у него последние сбережения. По замыслу неунывающего режиссера мы смотрелись колоритно и весело. Здесь не было никакой трагедии, только фарс. От меня требовалась последняя реплика.

— Да катитесь вы к черту! — патетически воздел я руки к серому утреннему небу. — Теперь только ему и нужны эти деньги!

Подхватив дамочку под локотки, оранжевые дворники удалились, а я еще плюнул им вслед.

— И как прошла сцена, где бывшие любовники скандалят? — участливо спросила Марьяна, когда я вернулся.

— Неплохо. С элементами сюрреализма.

— Деньги не вернул?

— Нет.

— Вы, мужчины, такие наивные, всегда уверены, что будет по-вашему. И при этом вы такие неприкаянные... И счастливы, если появляется шанс рискнуть собственной башкой... Ладно, иди поспи. Я тебе на диване постелила.

Выспавшись, я открыл глаза с мыслью, что срочно нужны деньги. И позвонил Оптимисту.

— Главное, найди на билет, все остальное будет здесь, — обнадежил он.

Повздыхав, прощаясь с Марьяной, я опять поехал к Разину. Он внимательно выслушал мою историю и посочувствовал.

— Держи. Больше свободных нет, — протянул он двадцать долларов. — Эти были на черный день.

— У меня он уже настал.

— Давай езжай сразу за билетом, — посоветовал Степа. — А то уйдет без тебя райский поезд. Как пить дать уйдет.

— Не уйдет, завтра на Покров буду в Новосибирске, — подмигнул я. — Может, по пиву?

— Вряд ли, ко мне скоро подруга придет.

В уверенности за свою судьбу я спустился в подземный переход к вокзалу и столкнулся с одноклассником. Словно отработывая карму, я постоянно встречал разных знакомых личностей и переживал с ними запоминающиеся события, которые вскрывали в нас хорошо запрятанных психов.

Прежде худощавый и скромный, Толик растолстел, налился цинизмом, похохатывал и много спрашивал. Мы шли в сторону вокзала, я спешил, подгоняемый двумя длинными свистками оттуда. Узнав о поездке в страну ритм-гитаристов, Толик принялся уговаривать выпить за его счет.

— Хотя бы по кружке пивасика, — напирал он. — Мы не виделись тыщу лет, Славик... Ты, может, скоро станешь богатым и знаменитым, мы с тобой еще тыщу лет не увидимся, только в следующей жизни.

И хотя предчувствие подсказывало, что идти с ним не стоит, лучше подождать до следующей жизни, отказаться я не смог.

Ближайшее кафе было неряшливым и подозрительным, как и его посетители, за столиками сидели мутные типчики и женщины без возраста. Потрепались о жизни, о работе, вспомнили общих знакомых, но разговор скатился к деньгам и женщинам. Две из них сидели за соседним столиком и призывно улыбались.

— Что ни говори, а жить хорошо, — сказал Толик, — всегда произойдет что-нибудь непредсказуемое, я с ума схожу от однообразия. Работа, дом, ну ты понимаешь.

Стараясь держаться в рамках одной кружки, я спокойно наблю-

дал, как Толик борется с однообразием, он непринужденно прошелся до стойки, намахнул стопку-другую, вернулся и стал подмигивать женщинам, а вскоре они уже сидели с нами и хохотали.

Что-то они нам все-таки подмешали, я помнил только, как заканчивал вторую кружку под песню «Passenger» Игги Попа, звучащую из телефона Толика, который произносил тост:

— Дорогие мои пассажиры, хочу выпить за вас! За то, чтобы вы достали свои билеты и приехали, куда вам надо и вовремя...

Очнувшись в незнакомом подъезде, я первым делом ощупал карманы, двадцатка испарилась. Такое мерзкое и скорбное, на первый взгляд, пробуждение бывает хоть раз в жизни, лучше бы ни разу, но после него видишь и счастья шелковую нить, и вечность в одном мгновенье. И в этой вечности сидишь, как в пустом вагоне. Совершенно измочаленный, с кусочками чего-то на одежде, выглядевшего, как кусочки мозга, которого, казалось, навсегда лишилась моя голова, я почти не дышал, чувствуя себя, как рыба анабас, которая выползла за пальмовым вином, но по дороге обратилась в тленные мощи.

В подъезде было тепло, на улице темно, ходьба по мерзлой улице доконала бы меня, я с трудом поднялся на верхнюю площадку и попробовал задремать. В долгом тягучем полузабытье я слышал музыку, ее в моем детстве часто наигрывала мама на своем любимом пианино — мелодию песни про одинокую гармонь, которая бродит где-то по улице.

В голове всплывали странные картинки, мешались воспоминания и грезы. Они затягивали в свой круговорот. Несколько раз в жизни мне приходилось непроизвольно впадать в состояние медиума. Пребывая в трансе, я наблюдал видения, какие посещают посредников между мирами. Они казались мне опасными, хотя в моем случае я был всего лишь проводником для своего сознания.

Тело мое наэлектризовалось, ни прежней боли, ни усталости я не чувствовал. Сквозь пелену я видел, как просыпаются жители подъезда, как окунаются в новый день, как к ним слетаются невидимые существа, готовые помогать удерживать эту жизнь на рельсах. И вдруг мне привиделся дед. За пеленой я видел только силуэт в кителе, но точно знал, что это мой дед, машинист Иван Гаврилов. Он покачивал головой и ждал, что я скажу.

— Что же это такое, дед? Почему такая непруха? — пожаловался я.

— Так ты бы поосторожней. Катись на красный без тормозов, хоть закуску подкладывай.

— Чего? Как это?

— Едешь в поезде со взрывчаткой, едешь по местам, где полно живодеров и просто психов. А в голове у тебя только свежий ветер поддувает, будто сидишь в вагоне-ресторане, которого в этом поезде нет.

— На каком поезде, дед? Я просто хочу узнать, где мое место.

— Сойдешь, узнаешь.

Кто-то вызвал лифт, и я открыл глаза. За окном было невероятно светло. Прислонившись спиной к стене, я полулежал с ощущением отпущенных грехов и легкости, как будто у меня выросли крылья. Оставалось только взмахнуть и полететь.

— Ой! Сколько снега навалило! — радостно кричали за окном дети. — Ой, как здорово!

Первый снег хрустел под ногами, словно разговаривая.казалось, что идешь по спине гигантского белого медведя. Сахарная шкура доверчиво терлась о ноги.

— Если райский поезд ушел без меня, значит, будет какой-то другой, — говорил я себе, мысленно уже плюнув на карьеру ритм-гитариста.

Еще раз искать денег на поездку я не собирался. На трамвайной остановке топтались двое: я и человек с гитарным кофром. Он напомнил о недавних творческих планах. Не выдержав, я рассмеялся. Человек посмотрел в мою сторону, мой потрепанный вид явно вызывал недоумение.

— Не состоявшийся ритм-гитарист Славик, — представился я. — А ты кто?

— Кобзарь.

— В смысле певец, играющий на кобзе?

— Во всех смыслах. У меня фамилия такая.

— Куда едешь?

— В Германию.

— На трамвае?

— На самолете. Улетаю сегодня вечером.

— Развлекаться?

— Работать, уличным музыкантом, два месяца перед Рождеством.

— А у меня не получилось уехать.

И я рассказал историю райского поезда для ритм-гитаристов.

— Кто же на райском поезде за доллары ездит, — рассмеялся Кобзарь.

— Точно, — улыбнулся я, — как-то не подумал. А вообще-то, мы все на этой Земле, как на поезде, начиненном взрывчаткой. И конечная станция у всех одна.

— Возможно. Хотя для меня райский поезд — это музыка. В этом поезде, как говорил мой друг, можно не рвать на себе рубашку, чтобы показать, что у тебя есть сердце.

Трамвай подплыл, словно кораблик по белому морю. От него, как от живого, исходило благодушие, и мне стало весело и тепло внутри. Пока ехали, я рассказал историю про одного бродягу. Тот прежде работал в одной из роскошных гостиниц Парижа, разливая вино в погребе, а потом спился и стал бродяжничать, находя, что так гораздо лучше. Напиваясь вдрызг, он пел хриплым голосом одну и ту же арию из «Фауста». По его мнению, это производило впечатление на полицейских, которые должны были думать, что он не простой человек, раз знает оперу.

— Так что, Кобзарь, — посоветовал я, — если будут проблемы с полицией, затягивай оперу. И лучше из «Фауста».

— Выхожу, пора мне, — улыбаясь, сказал Кобзарь. — До встречи!

Долго еще я катался на трамвае по кругу, по заснеженному городу с белыми улицами и белыми деревьями. Катался с долгожданным позабытым умиротворением, разглядывая все, как в первый раз. Мне не хотелось выходить, куда-то идти, о чем-то думать и с кем-то разговаривать, хотелось не спеша плыть по белому городу. Видеть, слышать и понимать то, что открывается тем, кто никуда не спешит, не мелочится и не фальшивит. Кто играет жизнь как по нотам, не перевирая ни одну. В таком состоянии понимая, что мир тем уже спасен, и на краю гибели качается лишь его тень. Я катался до тех пор, пока не понял, что трамвай и был моим райским поездом.